

Луи Жаколио

Берег Черного дерева

Берег Черного дерева

ПРОЛОГ

На берегу Ганга

Это происходило вечером на террасе моего дома в Шандернагоре на берегу Ганга — огромного серебряного потока, который устремляется по направлению к Калькутте. Мы разговаривали.

Поток наших мыслей, ассоциаций и идей вынес нас в конце концов от древней цивилизации Азии к современной цивилизации Европы. Мы говорили об истории рабства, которая насчитывает многие столетия: начавшись с низших индийских каст, чандалов и париев, рабство в результате завоевательных походов распространилось по всему Древнему миру, сохранилось в Средние века и вследствие постыдной торговли чернокожими рабами Африки дожило до Нового времени. Запрет на торговлю неграми не сразу уничтожил рабство, но, безусловно, был большим достижением гуманизма, потому что нанес первый удар по этому варварскому ремеслу и предшествовал легальному освобождению негритянской расы.

— Вы даже не представляете, — сказал доктор Люс, — как я радуюсь, когда думаю, что ни одно судно на свете больше не перевозит живой товар и что ни одна цивилизованная страна уже не осмеливается под своим национальным флагом гнусно торговать людьми.

— Любезный доктор, — перебил его Барте, капитан сипаев, — не рассчитывайте на то, что этот обычай, как бы он ни был гнусен, можно искоренить в несколько лет только потому, что законодательные власти многих стран предписали запретить его. Пока что, невзирая ни на какой надзор, Бразилия, испанские и португальские колонии продолжают иметь рабов, то есть вопреки запрету корабли, производящие торговлю неграми, по-прежнему существуют и ходят по морям.

— Однако вы не совсем правы, — возразил кто-то из нас. — Французские и английские крейсера добросовестно выполняют свои обязанности у берегов Африки, и если наши моряки, соблюдая закон, предают работорговцев военному суду, то англичане уже даже не заботятся о таких формальностях и без всяких церемоний вешают в двадцать четыре часа всех пойманных торговцев неграми.

— Уверяю вас, есть люди, которых подобная перспектива нимало не устрашает, а наоборот, усиливает их отвагу.

— Вы говорите с таким убеждением...

— Я говорю так с убеждением опытности.

— Но вам во время вашего продолжительного пребывания в колониях случалось ведь присутствовать на военных советах, обязанных чинить суд и расправу над этими пиратами?

— Более того, господа! В молодости меня еще с тремя пассажирами заботами морского комиссариата посадили на шхуну, отправлявшуюся в Габон, и во время пути мы поняли, что попали на судно, торгующее неграми.

— И что же тогда?

— Ну, тогда мы чуть было сами не попали в переделку, так как выказали отвращение к этому ремеслу. И капитан — бедовый малый, могу вас в том заверить, — чтобы наказать нас «за наши предрассудки», как он это называл, и, главное, чтобы избавиться от нас как от опасных свидетелей...

— Послушайте, капитан, — вмешался тут доктор, — вы явно знаете какую-то занимательную историю, и будет неинтересно, если вы сообщите нам ее развязку в самом начале. Нам предстоит еще много бессонных часов из-за несносной жары, так не лучше ли, если вы расскажете все по порядку?

— Я готов, господа.

— Мы все слушаем! — воскликнули мы хором.

Капитан Барте попросил подать стакан грога и начал.

Никогда еще мы не переживали такие удивительные приключения да еще в столь драматичной обстановке! На наших глазах под жгучим свинцовым небом священная река браминов катила свои тяжелые волны, на холмах всю ночь без перерыва горели сжигавшие мертвецов погребальные костры, распространяя резкий зловонный запах паленого мяса; шакалы, с закатом солнца выскочившие из высокой травы, топтались в тине реки, отыскивая полуобгоревшие останки, иногда вышвыриваемые волнами на берег, или целыми стаями со зловещим визгом вторгались в улицы старого города индусов.

В течение многих часов капитан, точно волшебными чарами, приковывал все наше внимание. Попытаюсь передать те необычайные события так, как услышал от него.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Последнее невольничье судно

ГЛАВА I

Шхуна «Оса»

Шхуна «Оса», принимавшая в Ройяне груз к берегам Габона, Конго, Лоанго, Анголы и Бенгелы,

25 июня 185* года получила от своих отправителей из Бордо, братьев Ронтонаков, приказание выйти в море.

Пока судно в течение трех месяцев стояло на рейде, оно не раз становилось предметом пересудов между рыбаками, которые занимались ловлей сардинок и часто посещали этот небольшой порт Жиронды. Они считали, что борт шхуны, лишенный люков, слишком высок — почти как на военном судне, водорез довольно тонок, мачты с их принадлежностями тоже непомерно высоки и чересчур уж замысловато для простого товарного конвоира наклонены к корме. Два румпеля: один — впереди мачты, другой — на задней части кормы под гиком¹ грота — ясно указывали на то, что при строительстве шхуны арматоры² ставили своей

¹ Гик (*нидерл. giek, букв. ∴ — палка*) — горизонтальное рангоутное дерево, одним концом подвижно скрепленное с нижней частью мачты парусного судна. По гыку растягивается нижняя шкаторина косого паруса — грота, фока или бизани. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

² Арматор (*лат. armator — вооружающий, снаряжающий*) — судовладелец, лицо, эксплуатирующее морское судно безотносительно к тому, принадлежит ли оно ему по праву собственности или нет. Арматор снаряжает судно в рейс, снабжает средствами, нанимает экипаж и приглашает капитана.

целью, чтобы судно могло выдерживать плавание в любую погоду и успешно преодолевать все опасности морских переходов. В этой «Осе» было добрых шестьсот тонн, что, как поговаривали рыбаки, очень необычно для простой шхуны; над ней развевался флаг, усеянный звездами свободной Америки.

Одно обстоятельство еще более усиливало недоумение моряков, собиравшихся вечером в кабаках на берегу: за все долговременное пребывание шхуны на рейде ни один человек из ее экипажа не сошел на берег. Каждое утро капитан садился на один из пароходов, ходивших по реке, направлялся в Бордо и каждый вечер тем же путем возвращался на свое судно. Каждый день можно было видеть, как помощник капитана молча расхаживает на корме, а вахтенные под надзором боцмана убирают судно, чинят паруса и покрывают наружные стены тройным слоем смолы.

Любопытные рыбаки решили поговорить с корабельным поваром, чернокожим, который ежедневно отправлялся за провизией в деревню, но все их попытки оказались неудачными: повар ни слова не понимал по-французски, по крайней мере никогда не отвечал, когда с ним заговаривали на французском языке, что, впрочем, нимало не

мешало ему в торговых делах, так как он отлично объяснялся с торговцами с помощью всенародного языка, в котором было три слова: «франки», «доллары» и «шиллинги». Сделав покупки, он знаками приказывал перенести их в шлюпку, которой местные моряки дали оригинальное название «Капустная почта», и, искусно управляя задним веслом, приближался к борту шхуны, а через минуту его уже поднимали на судно вместе со всей провизией. И это еще не все, что могли бы порассказать добродушные ройянские рыбаки, знай они, что таинственное судно, значившееся по документам американским, на самом деле было интернациональным, а командовал им луизианец французского происхождения капитан Ле Ноэль.

После множества предположений, одно невероятнее другого, местное общество успокоилось за неимением точной информации. Однако все пришли к единодушному мнению, что эта загадочная шхуна с изящными формами, продолговатым узким корпусом, с высокими, как на корвете, мачтами и роскошными парусами является первоклассным ходоком и что все эти достоинства очень редко встречаются у скромных береговых судов, предназначенных исключительно для меновой торговли по берегам Сенегамбии и Конго.

Однажды к «Осе» привели на буксире шесть плашкоутов, разместили их вдоль борта и

немедленно стали разгружать на судно. Груз был обыкновенный, каким торгуют с Африкой: ром, гвинейская кисея, утварь из меди, железа и стекла, ножи, старые сабли, литихские ружья по шести франков за штуку, ящики с сардинками, одежда, обшитая галуном, глиняные и деревянные трубки, удочки, сети и тому подобное. Мало-помалу шхуна осела до грузовой ватерлинии, и, когда разгрузили последний плашкоут, она была готова оставить порт по первому сигналу.

Утром накануне того дня, когда шхуна должна была сняться с якоря, капитан Ле Ноэль, сойдя с парохода на Балаканскую набережную в Бордо, направился, как обычно, в контору своих арматоров, и лишь только он переступил порог, как Ронтонак-старший молча махнул ему рукой, приглашая следовать в свой кабинет.

Дверь затворилась за ними, и негодичант сказал капитану без всякого предисловия:

— Мы должны доставить четверых пассажиров в Габон.

— Пассажиров, господин Ронтонак? — спросил капитан, сильно озадаченный. — Но как же мы...

— Тише! — сказал арматор, приложив палец к губам. — Не было ни малейшей возможности устранить это препятствие: таково требование главного комиссара адмиралтейства; малейшее

возражение подало бы повод к подозрениям со стороны наших недоброжелателей, а те только и ждут, чтобы предать их огласке.

— Никто не знает, что «Оса» принадлежит вам, — в портовых книгах записан я как хозяин и капитан, судно построено в Новом Орлеане, где я родился; мои родители французского происхождения, но живут в Америке; я хожу по морям под флагом Америки, для всего мира вы — только мой товароотправитель. Значит, ни один человек не вправе навязывать нам посторонних людей на судно. Вы поступили очень неблагоразумно, согласившись на такое условие: это может стоить вам пятисот-шестисот тысяч франков, а меня со всей моей командой просто вздернут на рее английского фрегата.

— Еще раз повторяю: я никак не мог отворотить этой неприятности. Вы же знаете, что мы обязались перевозить почту и транспорты между Бордо и французскими колониями Тихого океана.

— Не возьму в толк, какая связь между этим и...

— Дайте мне договорить! Морское министерство заключило с нами контракт, по которому мы обязаны за условленную плату перевозить пассажиров, колониальных солдат и чиновников на всех судах, отправляемых нами во все страны мира, из расчета два человека на сто

тонн груза. «Оса» в шестьсот тонн — значит, правительство имеет право заставить нас взять на борт даже двенадцать пассажиров, а не то что четверых.

— Но, господин Ронтонак, вы могли бы возразить, что вы просто-напросто отправляете товары, и не более...

— Я сказал, что судно принадлежит не мне, но что я постараюсь заручиться вашим согласием.

— Ничего не понимаю. Что за загадки?!

— Послушайте, капитан, вы умный человек и должны улавливать с полуслова. Каждые два года «Оса» приходит в Ройян за грузом и всегда в строго определенный срок. А потом в наших краях долго витают слухи, что в продолжение столь длительного времени никто никогда не встречал эту шхуну на берегах Конго и Анголы. На сей раз опасных разговоров еще больше...

— О! Ну это просто злые языки, — перебил Ле Ноэль, улыбаясь, — мы же с вами свои люди...

— Вот именно, — подхватил Ронтонак, — это злые языки... Я и хотел разом избавиться от них, согласившись принять на борт четверых пассажиров. Вчера я разместил на бирже объявление о времени отплытия шхуны и лично убедился, что эта мера очень действенная, — она произвела нужное нам впечатление, в том числе и на злопыхателей.

— Может, вы и правы, однако мы подвергаемся большому риску.

— Все уладится, если принять меры предосторожности. Кто мешает вам высадить этих почтенных господ в Габоне и продолжать свой путь?

— Мне придется справляться с опасностями, о которых вы и не подозреваете! Даже внешний вид нашего судна, стоящего на рейде, уже вызывает подозрения, а что будет в открытом море? Если шхуна, оснащенная парусами, идет под ветром со средней скоростью в двенадцать узлов, опытный глаз не ошибется и бывалый моряк тотчас поймет, что это не какое-нибудь дрянное суденышко на веслах, перевозящее арахисы³, буйволовыя рога и пальмовое масло. Следовательно, для нас нет никакой возможности приближаться к берегам, которые находятся под надзором английских и французских крейсеров, и в особенности с тех пор, как морские державы ввели практику досмотра судов военными кораблями. Из всего этого вы сами без труда заключите, какой опасности мы подвергаемся. Как я объясню, что у меня в трюме двенадцать нарезных орудий, ружья в отличном

³ Арахисы — земляные орехи, которые содержат масло, заменяющее оливковое.

состоянии, аптека с медикаментами на четыреста человек? Что у меня целый склад цепей, и они совсем не похожи на те, которые предназначены для быков? Что под камбузом у меня спрятана винтовая машина? И железные кольца привинчены на равных расстояниях под кубриком... Неужели вы думаете, что самый глупый офицер английского флота не поймет, для чего все это предназначено?

— Ну снимите их временно...

— И что это даст? И без них останется еще двадцать, а то и больше причин, чтобы повесить меня со всей командой. Во-первых, крейсер потребует страховой полис, потому что все дозорные службы хорошо знают: подозрительные суда не станут подвергать себя этой формальности. Как только выяснится, что судно не застраховано, немедленно начнется обыск сверху донизу. До сих пор я избегал неприятных встреч в море, потому что не следовал общепринятым курсом, а искал другие пространства, к тому же полагаясь на быстроту шхуны. Теперь же, высаживая пассажиров, я неизбежно попаду в поле зрения береговых корветов, а дальше вы сами знаете — боюсь, мне больше не выйти в открытое море, а значит, «Оса» никогда уже не увидит ройянского порта. Нас и так подозревают, за нами следят, наши приметы во всех подробностях разослали всем флотам — не сегодня-завтра сообщат и название, и

национальную принадлежность судна. Поверьте мне, господин Ронтонак, вы сделали крупную ошибку. А мы надеялись на благополучное плавание! Король Гобби обещал нам сто штук *черного дерева*, а вам хорошо известно, что в Бразилии сейчас дают около трех тысяч франков за штуку.

— Увы! — вздохнул Ронтонак. — Риски неизбежны, но если даже *десять штук* получат повреждение на море, мы извлечем около миллиона прибыли!

— Я рассчитывал в скором времени бросить это ремесло и честно зажить на ранчо где-нибудь на берегах Миссисипи.

— Если хотите, пусть это будет вашим заключительным предприятием — я согласен с вами: сейчас очень трудно вести подобные дела.

— Однако все уже сложилось так, как сложилось, и если нет возможности изменить ситуацию, надо изловчиться и выпутаться из нее, чтобы вы не потеряли свой корабль и товар, а я — свою жизнь.

— Боже мой, капитан! Вам не кажется, что мы придумываем мнимые опасности, ведь нет никаких доказательств того, что, подходя к Габону, вы не могли бы...

— Я не хочу верить свою судьбу предположениям.

— Так что же делать?

— У меня есть план. Скажите: вам нужно только, чтобы эти пассажиры были доставлены на место, но все равно когда и как?

— Конечно, только с одним условием...

— Чтобы их доставили?

— Именно так.

— Тогда ручаюсь за них.

— И за плавание тоже?

— Да, и за плавание со всеми его выгодами, но после этой операции нам придется расстаться — это решено.

— Хорошо; когда «Оса» вернется на рейд Ройяна, я пошлю ее за треской в Новую Землю.

— Поверьте мне на слово: лучше бы продать шхуну в Бразилии — это безопаснее.

— Пожалуй, действительно лучше «Осе» и не возвращаться сюда.

— Господин Ронтонак, если мы обо всем договорились, то позвольте мне иметь честь проститься с вами.

— Все ли документы вам выданы?

— Да. Ваш брат обо всем позаботился — мы вместе ходили к нашему консулу.

— Так теперь у вас все в порядке?

— Совершенно.

— В котором часу пассажиры должны явиться?

— Сегодня до полуночи, потому что я хочу сняться с якоря завтра на рассвете.

— Кстати, как только продадите *черное дерево*, капитал, как обычно, положите в банк Суза де Рио за исключением вашей доли и того, что полагается команде. И вышлите мне, пожалуйста, переводной вексель.

— Будет сделано.

— Тогда благополучного вам пути и успеха в делах.

Капитан Ле Ноэль вышел на набережную, намереваясь отправиться прямо на шхуну. Кусая кончик потухшей сигары, он проворчал сквозь зубы:

— Ну, пассажиры, вам предстоит приятное путешествие!

На другой день, едва взошла заря, легкокрылая, как ласточка, «Оса» уже неслась на всех парусах, покидая воды Гасконского залива.

ГЛАВА II

Ронтонаки и К°

Ронтонаки, негоцианты и арматоры, из рода в род более двух столетий проживали на Балаканской набережной в Бордо. Администрация компании по мере смены поколений тоже менялась: чаще всего семейную фирму возглавлял Ронтонак-старший, но

какое-то время она носила название «Ронтонак и племянники» или даже «Вдова Ронтонак и сын» — однако никогда еще этот бизнес не выходил из собственности Ронтонаков. Потомки и их родственники жили вместе, как будто общиной, предоставляя право первенства и руководства делами самому сильному из своих рядов. Сыновьям, братьям, племянникам и кузенам — всем членам семейства находилось место в многочисленных конторах и магазинах Ронтонаков, многие служащие и капитаны кораблей были из Ронтонаков по рождению или по брачным союзам. Супруги женщин, урожденных Ронтонак, были приняты в семье так же радушно, как и природные Ронтонаки, потому что это семейство никогда не признавало салического закона⁴.

Когда за ужином Ронтонак-старший, убеленный сединами, с величавым видом восседал во главе стола, более шестидесяти человек делили с ним трапезу — и это не считая тех членов семейства, которые в данное время ходили по морям или управляли предприятиями в разных

⁴ По салическому закону — народному праву салийских франков — женщины не имели права наследования в родовых землях.

странах мира, повсюду, где можно было продавать и менять.

Семейство Ронтонаков — это сила, маленькое государство, имеющее своего короля, своих министров, свой совещательный комитет для важных операций, свою администрацию, своих чиновников, свою чернь, то есть народ, своих солдат и свой флот.

Конторы Ронтонаков в Замбези охранял отряд из двухсот негров — с этой целью их специально перевезли из Конго на восточный берег, платили им жалованье, и они смело противостояли жителям Мозамбика, которых ненавидели и презирали как низшую расу.

Торговая флотилия Ронтонаков состояла из транспортов, быстрых клиперов, бригов, шхун и речных шлюпок для перевозки товаров — всего более шестидесяти судов. Активы Ронтонаков по последней описи превышали восемьдесят миллионов франков, а пассивы сводились к минимуму — одним словом, все были должны дому Ронтонаков, а тот в свою очередь — никому не должен. Эта патриархальная семья, подобно древнему племени, находилась под властью одного вождя, который с ревностным попечительством поддерживал всех, кто был связан с ним кровными узами, но никогда не протянул бы и пальца, чтобы спасти утопающего, не принадлежавшего его

клану, — Ронтонаки были природными эгоистами: они никогда и никому не помогали и ни у кого не просили помощи. Все свои обязательства они выполняли со скрупулезной точностью, но и с окружающих требовали то же самое: никогда и ни при каких обстоятельствах они не давали своим должникам ни отсрочки, ни поблажки, ни уступки, не принимали в соображение ни природной честности и порядочности, ни временных трудностей в делах, которые случаются у многих и иногда служат помехой даже лучшим намерениям. Горе тому, кто, оставаясь должником дома Ронтонаков, не имел достаточных средств к назначенному сроку выплат.

Приведем один случай, получивший широкую огласку, который дает полное представление о характере породы Ронтонаков.

У отца нынешних братьев Ронтонаков — главы дома — произошла серьезная стычка с директором французского банка в Бордо: тот в пылу гнева назвал Ронтонака продавцом *черного дерева*.

Ронтонак поклялся отомстить и сделал следующее.

В надлежащий час он явился в банк с банковскими билетами совокупным номиналом в десять миллионов франков и потребовал немедленной уплаты за них золотом. Директору

нечего было возразить — требование являлось законным. Чтобы выиграть время, директор приказал начать погашать билеты имеющимися средствами, а сам в это время телеграфировал в Париж и получил ответ, что десять миллионов золотом будут высланы в Бордо экстренным поездом с вооруженной охраной. Банковский день закончился, и ко времени закрытия заведения уплаченными оказались только триста тысяч франков. Наутро Ронтонак законным порядком в письменном виде обжаловал действия банка, обвинив учреждение в отказе уплатить немедленно. Через два дня в Бордо наконец прибыли десять миллионов золотом и были уплачены Ронтонаку по всем обязательствам. Банк готов был возместить негоцианту все издержки по его жалобе, но тот отказался, чтобы сохранить протест и в любое время дать ему ход: с этой целью он приказал вставить документ в рамку и повесить на самом видном месте у себя в кабинете.

Директор банка никак не мог отплатить своему врагу тем же самым: Ронтонаки никогда не давали никаких письменных обязательств, не делали даже пометок на обороте векселей, получаемых в счет уплаты, — при возмещении долга они выписывали квитанции, а при наступлении срока погашения — предъявляли документ к взысканию.

Продавцом *черного дерева* директор отделения банка в Бордо назвал Ронтонака совершенно правильно: своим безмерным богатством Ронтонаки были обязаны торговле неграми и занимались этим почти двести лет.

Начиная с XIV века португальцы вывозили негров из Африки в свои только что возникшие колонии, где требовалась дешевая рабочая сила; вскоре многие европейские государства занялись тем же самым, а открытие Америки послужило страшным толчком для развития этого бесчеловечного ремесла.

Основатель дома Ронтонаков в 1640 году предпринял путешествие к берегам Гвинеи, и двести несчастных чернокожих, выгодно проданных им на невольничьем рынке где-то на Антильских островах, стали фундаментом благосостояния всего семейства, процветающего вот уже два столетия.

Нантский эдикт теоретически мог бы помешать их бизнесу, так как семейство придерживалось кальвинистского вероучения. Но на деле это постановление почти не коснулось их: Ронтонаки были слишком влиятельны, чтобы кому-то пришло в голову отслеживать, почитают они святых или нет, кроме того, главы коммерческого дома никогда не отказывались раскрывать свой кошелек перед королями Франции,

ссуживая их деньгами, — разумеется, под большие проценты.

Когда в 1780 году в Пенсильвании была запрещена торговля неграми — первый сигнал пробуждения человеческой совести, которая больше не позволяла людям мучить себе подобных, — родовой клан на Балаканской набережной уже достиг высшей степени своего могущества: вся Африка была покрыта сетью его контор, и ежегодно им поставлялось во все страны мира от пятнадцати до двадцати тысяч негров-рабов.

В 1792 году Дания последовала примеру, поданному Американскими Штатами, но эти отдельные запреты и даже публичные осуждения работорговли не очень беспокоили державы, которые продолжали торговать *черным деревом* : ни одна из стран, проявивших благородную инициативу, не имела полномочий заставить весь мир уважать свое решение.

Однако Ронтонаки, люди весьма осторожные, следили за нарастающим в мире движением против рабства, и, понимая, что несколько могущественных морских держав в конце концов могут объединиться и совместными усилиями запретить выгодный промысел — торговлю *черным деревом* , коммерсанты из Бордо решили видоизменить свой бизнес, официально придав ему

другое направление, чтобы избежать ненужного внимания и тем более каких-либо обвинений. Поэтому, не прекращая торговли людьми, а напротив, продолжая и даже расширяя ее, Ронтонаки вместе с тем стали снаряжать свои суда для торговых операций в Индию, Китай и Японию.

После многих безуспешных попыток запретить торговлю черными рабами Франция и Англия решили объединить свои силы против этого позорного для цивилизованных стран явления, и в 1830 году было учреждено *право освидетельствования* военными кораблями всех коммерческих судов. Практическое его применение привело к многочисленным злоупотреблениям, и со временем это право стало распространяться только на суда, курсирующие в акваториях вблизи исконных негритянских земель. Обе европейские державы с помощью своих крейсеров, постоянно пребывающих в африканских морях, четко разделили между собой контролируемые области Африки: от островов Зеленого Мыса до мыса Фрио.

С этого времени Ронтонаки, казалось, совершенно прекратили торговлю людьми и всю свою деятельность перенесли в область коммерческой эксплуатации тихоокеанских островов, где создали многочисленные фактории. Редкие суда, еще направляемые ими к берегам Африки, легально торговали только разрешенными

товарами. Тем не менее, подозревая Ронтонаков в нелегальной работорговле, дежурные крейсера останавливали их суда по двадцати раз на всем маршруте и производили на них самый тщательный обыск, перерывали, казалось, все до основания, но никогда не находили ничего, что могло бы хоть как-то указать на незаконность торговли.

Продажа сахара, кофе, тропического дерева, орехов, каучука, буйволовых рогов, кожи, перламутра, риса, кокосового масла и тому подобного давала огромный торговый оборот, а следовательно, по мнению многих, Ронтонаки без всякого убытка для себя могли отказаться от запрещенного сбыта *черного дерева* и из морских разбойников преобразиться в мирных негоциантов. На деле, однако, все обстояло по-другому.

На тайном совещании, где присутствовали все авторитетные представители семейства, глава дома торжественно заявил, что Ронтонаки заложили основы своей коммерческой империи посредством торговли чернокожими рабами. Поэтому не только соображения выгоды, но и долг, родовая честь вынуждают наследников семейного бизнеса не бросать операций с *черным деревом* до тех пор, пока под небом останется хоть один уголок земли, где сохранится рабство. По итогам общего обсуждения было решено, что один из Ронтонаков отправится в какой-нибудь порт невольничьих

штатов Америки, отберет и наймет на службу нескольких капитанов, отличающихся умом, энергией, отвагой и находчивостью, и поручит каждому судно, оформленное в его собственность. Таким образом, по документам за Ронтонаками не будет числиться никаких незаконных судов — суда будут принадлежать капитанам, — и торговля неграми продолжится без всякого ущерба для репутации бордоских негониантов, которые отныне удовольствуются скромной ролью обычных товароотправителей.

Ответственное поручение выпало Цезарю Ронтонаку, который со всеми необходимыми предписаниями прибыл в Новый Орлеан и основал контору якобы для закупки хлопчатобумажной продукции, доставляемой из Луизианы. На самом же деле эта контора была учреждена с единственной целью — отвлекать внимание окружающих от настоящих коммерческих операций и следить за тем, чтобы никто ничего не заподозрил.

Цезарь снарядил и отправил в рейс шесть шхун — все они были быстроходными и вмещали от трехсот до четырехсот негров. Каждое из этих судов было снабжено искусно скрытой в трюме машиной с винтовым двигателем в двести лошадиных сил — таким образом, в случае опасности шхуны могли с помощью этой машины и

парусов ловко ускользнуть от лучших английских и французских крейсеров-контролеров.

Винтовая машина, в то время еще не известная европейским флотам, была изобретена одним из инженеров Бостона по заказу Цезаря Ронтонака:

— Сделайте мне пароход без боковых колес, чтобы по виду он ничем не отличался от простого парусного судна.

Янки принялся за работу и решил задачу так: он поместил в корпусе судна колесо с прочными стальными лопатками. Это не был еще винт в его окончательном виде, но первый шаг к изобретению был сделан.

За изобретение и сохранение его в тайне Ронтонак заплатил инженеру миллион долларов. Механизм был тщательно спрятан в чреве корпуса, и когда изящные с виду шхуны стояли на рейде, ничто не выдавало, что по первому сигналу они могли превратиться в быстрые пароходы.

Капитаны этого странного флота ни разу не видели друг друга, и им было запрещено встречаться. Каждое судно, как только оно было снаряжено, покидало Новый Орлеан немедленно, с тем чтобы никогда уже туда не возвращаться: загружали шхуны в Ройяне, и потом они отправлялись в рейс, о назначении которого знал только капитан. Шхуны совершали по четыре

рейса, и каждый раз доставляли в назначенное место на берегах Бразилии, Кубы или Южной Америки от трехсот до четырехсот негров — одна такая операция приносила от семисот до восьмисот тысяч франков чистой прибыли.

Первое плавание погашало расходы на покупку и вооружение судна, прибыль от трех остальных рейсов делилась следующим образом: одна треть принадлежала капитану со всей его командой, две трети — арматорам. Все члены экипажа брали на себя обязательство совершить эти четыре рейса, а по окончании последнего из них капитан отпускал своих людей, куда они хотят, — никто не роптал, потому что каждый уже заработал на жизнь вполне достаточно, — и в первом же удобном порту где-нибудь на берегах Чили или Мексики продавал судно.

Все в этих предприятиях было тщательно рассчитано и заранее продумано: матросы и офицеры чувствовали себя уверенно, поступая на службу к капитану, который одновременно являлся собственником корабля, и выполняли свои обязанности вполне добросовестно. Что касается капитанов, те понимали, какой опасности они подвергаются, но перспектива получения огромного барыша толкала их на риск, к тому же у них не имелось никаких документов на *черное дерево*, которые позволили бы в случае захвата

шхуны патрульным крейсером доказать их вину. Они были связаны только честным словом и корыстным интересом и действительно являлись законными собственниками судов. Один из них, капитан шхуны «Шершень», решил в полной мере воспользоваться своим правом судовладельца и нарушить договор с Ронтонаками, сняв с себя все обязательства. Загрузив в Ройяне шхуну товарами меновой торговли по самый дек, он вышел в море и отклонился от назначенного курса; он отправился к берегам Сенегамбии, присвоив себе и корабль, и весь груз.

Поначалу все шло хорошо, но не так-то легко было обмануть Ронтонаков — капитан не учел их адской сообразительности. Согласно контракту, подписанному этим капитаном в Новом Орлеане, его старший помощник должен был получать каждый месяц тысячу франков жалованья, главный механик — столько же, все прочие — чуть меньше, но даже младшему из служащих ежемесячно полагалось по двести пятьдесят франков. В качестве меры предосторожности Ронтонаки включили в контракт условие: жалованье выплачивается только в тех портах, где, согласно утвержденному маршруту, шхуне назначена стоянка. Отклонившись от курса, капитан оставил своих людей без жалованья, потому что директора контор были предупреждены: если шхуна в

определенный срок не приходит на заранее назначенную стоянку, платить команде они не обязаны.

Лишившись жалованья, команда начала роптать и требовать плату за службу, и капитан понял, что, поскольку средств на содержание экипажа у него нет, он будет вынужден скорехонько продать корабль и груз без всякой выгоды для себя. Поэтому он, вовремя спохватившись, пошел на попятный: поспешил к месту назначения, извинился и постарался, насколько можно, загладить свою оплошность перед представителем Ронтонаков. Он привел в свое оправдание некие объективные причины задержки, но, разумеется, его мошеннический трюк был давно понятен Ронтонакам. И что же? В Бордо и виду не подали, что он виноват: его ошибка и раскаяние в собственной глупости ясно доказывали, что с этой поры на него можно рассчитывать без всяких опасений.

После законодательного запрета работоторговли лишь один корабль Ронтонаков был захвачен английским крейсером: как истинный янки, его капитан во избежание позорной смерти на виселице взорвал себя со всей командой и тремястами неграми.

Это не остановило Ронтонаков: многие их агенты поселились в Моямбе, Лоанго, Луанде,

Бенгеле и в устье Конго, скупали легальным путем слоновую кость, золотой песок, каучук, а нелегально входили в торговые сношения с правителями и сановниками внутренних земель, подготавливая экспорт *черного дерева*. В течение нескольких месяцев стороны вели переговоры посредством шифрованной корреспонденции, в результате чего выбиралось неизвестное пустынное место на берегу, где надлежало произвести обмен и принять *груз*, — вот почему шхунам Ронтонаков приходилось иной раз простаивать в Ройяне по три-четыре месяца, прежде чем они узнавали место своего назначения.

Капитан Ле Ноэль был, наверное, самым опытным и надежным из капитанов, кто в эту пору служил у Ронтонаков, а шхуна «Оса» считалась лучшим судном всего их флота.

Ле Ноэлю и «Осе» предстояло четвертое плавание.

ГЛАВА III

Пассажиры «Осы»

В корабельную книгу «Осы» были вписаны имена четырех пассажиров от правительства в следующем порядке: Орест Тука, помощник комиссара адмиралтейства; Пилад Жилиас, лекарь второго разряда; Барте, подпоручик морской

пехоты; Урбан Гиллуа, младший чиновник адмиралтейства. Все четверо отправлялись в Габон.

Помощник комиссара и лекарь родились в Тулоне почти в одно и то же время, всю свою жизнь — а им обоим было по пятьдесят лет — они постоянно соперничали, но оставались друзьями.

Еще детьми они вместе бросали камешки в воду, и каждый старался зашвырнуть подальше, чем другой, сделать побольше кругов и рикошетов; в отрочестве оба они, точно соревнуясь учиться один хуже другого, вечно плелись в «хвосте» своих классов в тулонском училище, так что остроумный наставник, каждую субботу просматривая общий табель успеваемости, неизменно повторял: «А последние у нас, как всегда, господа Тука и Жилиас — *ex-aequo*»⁵. И все ученики дружно смеялись.

Восемнадцать лет оба закончили обучение и на какое-то время расстались, напоследок пожав друг другу руки: экзамены на степень бакалавра ни Орест Тука, ни Пилад Жилиас не держали — инспектор ясно дал понять их родителям, что диплом бакалавра молодым людям не светит.

Тем не менее им надо было приниматься за какое-то дело: родители не могли обеспечить их средствами для праздного существования. Оба

⁵ Поровну (*лат.*).

поступили на службу: один помощником письмоводителя в канцелярию морского комиссариата, другой — помощником аптекаря в госпиталь Сен-Мандрие.

Прошло десять лет, а оба все еще занимали те же места. Тука не смог выдержать даже самого простого экзамена, который в те годы сдавали служащие, чтобы из сверхштатных сотрудников перейти на должности чиновников с фиксированным жалованьем.

Что касается Жилиаса, то его непосредственный начальник, как-то раз вызвав его к себе в кабинет, сказал:

— Послушайте, любезный друг, по-моему, у вас нет никакой склонности к фармакологии — скорее ваши способности ближе к медицине.

Тогда Жилиас оставил госпиталь и поступил служить в морское медицинское училище, но не прошло и двух недель, как преподаватели стали убеждать его, что, напротив, он обладает всеми необходимыми данными, чтобы со временем сделаться хорошим аптекарем, а вот доктором — вряд ли.

В морской службе есть свои тайные глубины и застойные гавани, из тины которых периодически выползают всякие жалкие пресмыкающиеся: это происходит, например, когда служащим предстоит отправка в отдаленные колонии, известные своим

нездоровым климатом. Надо видеть, сколько хитростей употребляют эти люди, к каким интригам и протекциям они прибегают, только чтобы избежать назначения в колонии! В этой ситуации недоучки, неудачники и те, кто, прямо скажем, не хватает звезд с неба, получают шанс проявить самоотверженность и заслужить всеобщее одобрение. Перед отправкой в колонии им, конечно, нужно сдать экзамен, но все знают, что результат будет заведомо благоприятный: экзамен они выдержат и могут спокойно следовать к месту назначения, да еще и с благодарностью от правительства. Вот таким образом Тука и Жилиас решили выкарабкаться из положения вечных искателей места, бесперспективных помощников и низших служащих.

В это время в Бакеле, в верховьях Сенегала, открылись сразу две вакансии: помощника морского комиссара и лекаря третьего разряда. В городе находился пост укрепления из двадцати пяти человек, и командир потребовал себе еще двоих людей, мотивируя это тем, что сам он путается в делах отчетности и не имеет на них времени. Что касается аптеки, то ящик с медикаментами и снадобьями у них есть, но он только зря занимает место — им не пользуются, потому что нет лекаря, никто не знает, какие лекарства при какой болезни надо применять. Сам командир решительно не

разбирается в аптекарских премудростях и в экстренных случаях вынужден прибегать к услугам негров-знахарей.

Тука и Жилиас тотчас смекнули, что к чему, вечером встретились в кофейне Данеан, чтобы все обсудить, и наутро явились каждый к своему начальству с выражением готовности самоотверженно отправиться в далекую колонию.

Тука и раньше мог бы уехать из Тулона, он уже просил перевести его в колониальный комиссариат, про который говорили, что это — убежище бездарностей метрополии. Но ему не хотелось разлучаться с Жилиасом, а в медицинской отрасли, в отличие от административной, не было колониального отделения, куда спроваживали всех недоучек. Поэтому Туке пришлось подождать, пока благоприятный случай доставит помощнику аптекаря возможность ступить на медицинское поприще, — войдя, конечно, не через парадный вход, а через заднюю дверь.

Оба прошения были охотно приняты начальством, поскольку имели для него двойную выгоду: во-первых, от Туки и Жилиаса рады были избавиться в Тулоне, а во-вторых, в Бакель никто не хотел ехать даже по принуждению, а эти двое соглашались добровольно.

Немедленно назначили дату экзамена, и два друга предстали перед комиссией, чтобы оценили

их знания, но на этот раз оба пребывали в полной уверенности, что их дело в шляпе. В Тулоне долго еще вспоминали этот экзамен. В комиссию входили горожане из морского комиссариата, преподаватели училища, сотрудники госпиталя, чиновники местной администрации и служащие порта. Орест Тука держался надменно и высокомерно: о математике, в которой его знания были весьма посредственными, он сказал, что презирает ее; такое же невежество и неуважение он продемонстрировал и в отношении законодательных уставов. А когда Пилад Жилиас начал излагать свои «теории» по поводу применения слабительного и кровопусканий, господа экзаменаторы, слыша, что публика в зале уже не сдерживает смеха, пришли в замешательство: как же им поступить? Но Туке и Жилиасу заранее пообещали, что искомые должности в Бакеле они получают; никто не хотел иметь из-за них неприятностей, поэтому экзамен им зачли, и два друга выкарабкались наконец из «болота» на свет божий — один с патентом помощника морского комиссара, а другой — с дипломом лекаря третьего разряда.

Через две недели на очередном транспорте они отбыли в Сенегал. В Бакеле они быстро сообразили, как надо действовать, чтобы устроиться в жизни наилучшим образом, —

тулонский опыт не пропал даром. Каждую свободную от службы минуту они использовали с максимальной выгодой для себя, а именно обменивали бутылки тафии на слоновую кость и золотой песок и вскоре убедились, что оба уже при деньгах.

Впрочем, их коммерческие обороты были скромными. Конечно, богатые жители Каджаги, Кассона, Фута-Торо, Уало, отправляясь в Подор, Дагану и другие области Сен-Луи через Бакель, не сомневались, что в большом европейском доме их всегда угостят стаканом тафии. В благодарность за это состоятельные сенегальцы имели привычку оставлять своим белым друзьям щепотку золотого песка, кусочек слоновой кости или добротный буйволоный рог.

Орест Тука и Пилад Жилиас терпеливо и настойчиво собирали эти мелкие подачки и каждый год отправляли в Европу четыре-пять больших ящиков с ценным грузом, а их общий приятель в Тулоне обменивал присланные товары на новенькие золотые монеты.

Вскоре служба друзей удостоилась положительной оценки и они продвинулись по карьерной лестнице. Тука стал помощником комиссара адмиралтейства, а Жилиас, лекарь, с третьей степени поднялся до второй. По обоюдному желанию, чтобы не разлучать, их обоих отправили

на остров Майотту близ Мадагаскара — место печально известное своими губительными лихорадками.

Друзья не теряли времени и здесь: они принялись собирать всякого рода плетенки, безделушки, шелковые изделия, вручную изготовляемые туземцами; кроме того, Тука и Жилиас оказывали услуги частным предприятиям по доставке скота в Бурбон. Таким образом, они и на Майотте, в краю смертельных лихорадок, чувствовали себя вполне комфортно.

В Сен-Пьере и Микелоне они довершили свое благосостояние, занявшись торговлей треской; начальство привыкло, что они всегда вместе, поэтому, даже не спрашивая их согласия, одним приказом перевело обоих на север Атлантического океана.

Приближалось время отставки по возрасту, но друзей, как и прежде, продвигали по службе: Тука был назначен помощником комиссара и интендантом в Габоне, а Жилиас — начальником медицинской и аптекарской службы там же.

Получив повышение, они отправились на шхуне «Оса» к месту нового назначения.

О двух других пассажирах «Осы» скажем вкратце.

Подпоручик Барте был очень способным юношей, ему предрекали славное будущее. Он

окончил особую военную школу Сен-Сир и, к удивлению педагогов и товарищей, решил поступить в морскую пехоту. Зачем, спрашивается? Немножко из желания попутешествовать по миру, но преимущественно — из честолюбия: в этом корпусе, многократно доказавшем в сражениях свою верность отечеству, проявившем героизм и стойкость, молодые военные особенно быстро продвигались по службе.

Если бы Урбану Гиллуа еще три месяца назад сказали, что он отправится к берегам Африки, он, наверное, посмеялся бы такой шутке. Окончив курс с дипломом бакалавра, двадцати двух лет от роду, он мечтал продолжить образование, но его отец внезапно умер, оставив сына без средств к существованию. Наделенный способностями и обладающий твердым характером юноша хорошо понимал, что ему придется похоронить мечты о блистательном будущем ученого и посвятить жизнь тяжелой работе. В двадцать четыре часа решение было принято. Гиллуа не хотел прозябать в нищете и не желал пополнить ряды неудачников, которые сначала жалуются на всех и вся, потом становятся завсегдатаями питейных заведений, а заканчивают жизнь в притонах для нищих. Он решил трудиться и зарабатывать самостоятельно. В это время в морском комиссариате шли экзамены — набирали служащих для отправки в колонии. Он подал

прошение, выдержал первым и был назначен в Габон младшим чиновником, подчиненным Ореста Туки.

Такова краткая история жизни четырех действующих лиц этой повести, и мы последуем за ними на шхуну «Оса» и в пустыни Конго.

ГЛАВА IV

В открытом море. — Главный штаб «Осы»

Снявшись с якоря и распустив паруса, «Оса», подгоняемая сильнейшим северо-восточным ветром, от которого ее изящные мачты гнулись так, что тревожились даже самые опытные моряки, быстро обогнула берега Испании. Команда корабля, кроме вахтенных, после того как шхуна благополучно вышла в море, предавалась на досуге разнообразным занятиям. Кабо — лоцман «Осы», главный кормчий, бывалый моряк, с закрытыми глазами определявший морские проходы всего мира, облокотившись о бушприт^б, негромко разговаривал с Гилари, боцманом.

^б Бушприт, или бугшприт (*нидерл. boegspriet*, от *boeg* — нос и *spriet* — пика, вертел) — горизонтальный или наклонный рангоутный деревянный брус, выступающий вперед с носа парусного судна.

Если бы кто-то услышал хоть несколько слов из их разговора, понял бы, что присутствие на борту четырех пассажиров доставляло беспокойство всему экипажу.

— Мало парусов, Девис, — сказал капитан Ле Ноэль, выйдя из своей каюты и обращаясь к молодому офицеру, находившемуся на корме, — надо бросить лот, потому что мы не делаем и двенадцати узлов, а при таком ветре, как сейчас, «Оса» легко должна их делать.

— Слушаюсь, капитан, — ответил офицер, и на передней мачте укрепили дополнительный парус.

— Думаете, этого будет достаточно, Девис?

Юноша по-военному откозырял, и по приказу капитана парусов еще прибавили.

Раздался свисток Гилари — все матросы были на местах: они привыкли выполнять приказы с математической точностью, как на военных судах.

— Девис, поднять лисели!⁷ — скомандовал капитан и, приблизившись к молодому офицеру, почти на ухо шепнул ему: — Нам навязали четырех пассажиров, их надо высадить в Габоне, поэтому

⁷ Лисели (*нидерл. lijzeil*) — дополнительные паруса, ставящиеся в помощь прямым парусам для увеличения их площади при попутных ветрах.

нам необходимо выиграть время, которое впоследствии мы потеряем по их милости. Через сорок пять дней мы должны быть у Рио-Гранде, пройдя Наталь.

— А почему нам не направиться прямо к Бразилии? Мы сбудем с рук этих господ, выгрузив их на Азорских островах или на Сан-Антонио...

Девис хотел еще что-то добавить, но капитан Ле Ноэль бросил на него один из тех взглядов, от которых порой дрожали самые бесстрашные моряки «Осы», и, чеканя каждое слово, спросил:

— Когда вы сегодня утром сменяли с вахты Верже, разве он не сообщил, какого направления следует держаться?

— Да, капитан, приказано держаться мыса Ортегаль.

— Вот именно! Выполняйте приказ без лишних рассуждений.

Девис опять откозырял.

Уже уходя, Ле Ноэль обернулся и сказал почти мягко:

— Усильте ход, Девис, и вот еще что... когда вас сменят на вахте, приходите ко мне, потолкуем.

Нрав капитана «Осы» проявлялся в широком диапазоне — от крайней жесткости до полного добродушия: его снисходительность к тем, кому он симпатизировал, не знала границ, зато его строгость

быстро сменялась негодованием, если дело касалось тех, кто ему не нравился.

Он ввел на судне железную дисциплину, которой обязан был подчиняться весь экипаж, он не терпел ни малейших обсуждений своих приказов, намерений и целей — любое отданное им распоряжение подлежало немедленному исполнению. Сослуживцы давно заметили, что погодные условия — сила ветра, состояние моря — влияют на настроение капитана: то он приглашал своих офицеров обедать, был с ними любезен, подолгу разговаривал, а то на целые недели запирался один в каюте и вызывал к себе только доверенных лиц и сугубо по делу.

Девис числился в любимчиках капитана: ему еще разрешалось иногда выражать свое мнение, а если бы Верже, шкипер, или Голловой, главный механик, позволили себе во время вахты высказаться по поводу перемены направления, Ле Ноэль приказал бы арестовать их на двадцать четыре часа и держать взаперти в каютах.

Ле Ноэль давно считал себя американцем, хотя имел французские корни: от француза в нем остались только сообразительность и щегольство в наружности и обращении. Капитан «Осы» был убежден, что сила и успех — главное в жизни. «Получить то, что желаешь, успеть в том, что предпринимаешь, — другой цели в жизни нет, —

часто говорил он офицерам, — и мне нет дела, какими средствами достигается эта цель. Первооткрыватель, покорив вершину, уже не помнит подробностей своего восхождения». По мнению капитана, право являлось *мерой силы*, и каждый человек имел право на то, что было в его силах взять. Всем своим оппонентам Ле Ноэль так разъяснял свое жизненное кредо: «Завоевание может быть коллективным и личным. Коллективное — это когда две армии сходятся на поле битвы, и многие люди сражаются за то, чтобы отнять чужую землю и отдать ее своему властелину. Кровь льется рекой, но никому не приходит в голову назвать ее напрасной — напротив, убитых прославляют как героев отечества, ведь они положили свои жизни на то, чтоб их властелин получил кусок чужой земли. Если человек лично желает что-то получить, он вынужден зачастую сражаться со многими, с целым обществом, иногда заплатить за это жизнью. Только его считают не героем, а злодеем, потому что он, видите ли, действовал не во имя своего властелина, а ради личной выгоды. Погибшему ради обогащения его властелина воздвигают памятник, а жертву-одиночку бросают в неизвестную яму. Но вам не кажется, что и героем, и злодеем двигало одно и то же — алчность? Почему одного мы называем завоевателем, а другого — вором? Разве завоеватель, выполняя приказ, не украл чужую

землю, чтоб ее присвоил его властелин? Это мы провозглашаем законным, потому что на стороне завоевателя сила, мощь государства. А вор-одиночка не может доказать законность своего грабежа, поэтому он презираем. Между тем и завоеватель, и вор — люди одной природы, оба стремятся достичь успеха в своих предприятиях и применяют для этого любые доступные средства, да и конец у них общий — оба упокоятся в могиле».

Теория, вполне типичная для торговца человеческим мясом, — капитан шхуны «Оса» Ле Ноэль и был таким.

В минуты хорошего настроения Ле Ноэль иногда вступал в дискуссии с Верже, своим шкипером. Престранный это был человек! Когда-то он изучал науки, в частности философию, был знаком с трудами Канта и Гегеля, но потом занялся торговлей неграми, потому что этот промысел доставлял ему от двадцати пяти до тридцати тысяч франков годового дохода. В то же время этот «философ» стыдился своего ремесла, чувствовал себя виноватым, даже грешником и без всяких колебаний признавался, что тот день, когда их всех перевешают за работорговлю, будет днем торжества правосудия.

— Вы не правы, Верже, — говорил Ле Ноэль с добродушной откровенностью, — и напрасно

судите нас так строго, ведь мы, можно сказать, воплощаем немецкую философию в жизнь.

— Как это? — удивлялся Верже, недоумевая.

— Вот прочтите, — отвечал капитан, подавая Верже со своего стола раскрытую книгу, где были жирно подчеркнуты следующие строки: *«В мире людей, как и в царстве животных, господствует сила, а не право, право — это только мерило силы каждого ...»*; *«Какое мне дело до права? Я не имею в нем нужды, если могу добыть силой то, что мне нужно, и наслаждаться этим. А от того, что я не могу добыть силой, я отказываюсь — я не стану ради собственного утешения тщеславиться своим мнимым правом, пусть даже не теряемым за давностью лет ...»*

— А откуда эти цитаты? — спрашивал Верже.

— Как откуда? Из двух главных столпов философии современной Германии — Артура Шопенгауэра и Макса Штирнера. И, заметьте, Верже, мы не похищаем негров силой, а покупаем их по всем правилам у их милостивых *властелинов*. На берегах Бенгелы господствует во всем могуществе их право, которое нельзя отрицать, — оно существует, и, значит, оно от Бога. Никто не может оспорить тот факт, что эти верховные властелины обладают неограниченной властью над жизнями и имуществом своих подданных. Не так ли?

— Так... и что?..

— А то, что английские и французские фрегаты не имеют ни малейшего права мешать чисто коммерческим сделкам, заключаемым по обоюдному... — заметьте, никто никого ни к чему не принуждает, — по обоюдному соглашению сторон.

— Да, но право этих властелинов началось с того времени, как они *силой* захватили своих подданных.

— Конечно, Верже: сильный всегда заботится о том, чтобы обеспечить свое право. Разными способами. Мы, например, тоже обеспечиваем его — превосходством в технике, наилучшей оснасткой корабля, оружием, да мало ли чем... Поэтому прав у нас больше, чем у других.

— Капитан, вы ошиблись в выборе профессии.

— Что?!!

— Вы стали бы знаменитым профессором философии права и сравнительного законодательства в Гейдельберге или еще где-нибудь в Германии.

Капитан не сердился на такие шуточки своего шкипера, и этим обычно заканчивались прения между ними — каждый оставался при своем мнении: слишком разными по характеру и образу мысли были эти люди, чтобы понять друг друга.

Верже родился в Нанте, получил диплом капитана океанского судна, служил в торговом флоте, но его ежемесячное жалованье не превышало ста пятидесяти — двухсот франков, хотя плавания были нелегкими, иногда даже опасными. Вот почему он, все заранее обдумав, прибыл в Новый Орлеан с рекомендательным письмом от Ронтонаков и отправился к капитану Ле Ноэлю, который тотчас же принял его на место шкипера «Осы» и сделал своим первым помощником.

Такого искусного моряка, как Верже, еще надо было поискать, тем более что он отлично разбирался в технике, знал машину так же хорошо, как и парус, и мог в случае болезни или гибели заменить главного механика Голловея, который в настоящее время исполнял обязанности второго помощника капитана. Насмешник и скептик от природы, Верже не пытался оправдывать собственные недостатки с помощью «лицемерной», как он говорил, метафизики, прикрываясь которой немцы и англосаксы отрицали многие свои пороки и преступления. Верже заявлял прямо: «Человек, торгующий неграми, — бесчеловечный бездельник, и по нему плачет виселица. Но клянусь всем святым, — уверенно добавлял он, — если до окончания четвертого рейса меня не повесят, я получу свои деньги, тут же брошу это ремесло и

стану виноделом в Жиронде. Все будет нормально — мне хватит полтораста тысяч франков, чтобы начать жить честно». В Верже действительно еще не угасли доброта и великодушие, он просто сбился с пути из-за жадности, а она развилась в нем из страха нищеты.

Голловей числился в корабельной книге вторым помощником капитана, но в действительности служил главным механиком. Он родился в Ливерпуле, лет двадцать ходил по всем морям, но страсть к большим доходам, как и у Верже, заставила его бросить казенную службу и перейти под командование Ле Ноэля.

Как многие англичане, Голловей был предельно расчетливым и в то же время чувствительным и сентиментальным. Профессия его заключалась в том, чтобы торговать живыми людьми, но на досуге он предавался высоким чувствам человечности. Это особенность английского воспитания: типичный маленький англичанин, Джон Буль, с детства, пестуемый наставниками, учится, как собачка, плясать на задних лапках и приносить в зубах брошенную вещь. В Голловее по сути уживались два человека: как *бизнесмен* он торговал неграми, а как *джентльмен* состоял членом благотворительных обществ: религиозных, помогающих бедным, покровительствующих бездомным животным —

одним словом, многих, которых в настоящее время в изобилии в свободной процветающей Англии и которые год от года растут, как грибы. Голловей был, если можно так выразиться, личностным воплощением английского правительства, которое, с одной стороны, преследует тех, кто торгует неграми, — ибо это *вопрос чувства*, а с другой — ради разложения китайских войск продает китайцам одуряющий опиум, ибо чувства чувствами, а *денежный вопрос* никто не отменял.

Голловей аккуратно выплачивал все членские взносы, что примиряло его с собственной совестью: пусть те благотворительные общества, которые он поддерживает, обсуждают и решают за него все вопросы человеколюбия — он им вполне доверяет и дает на это деньги. Сам же он в это время должен заниматься бизнесом, а в делах вредно рефлексировать, и ни к чему задумываться о нравственности и допустимости тех или иных средств — иначе никогда не достигнешь цели.

Голловей был неразговорчив, свои обязанности выполнял с четкостью механизма, чувств и эмоций не афишировал: никто не знал, как он на самом деле относится к капитану, к Верже и к другим сослуживцам.

Девис, с которым мы уже познакомились, был самым молодым в команде — ему только что исполнилось двадцать два года. Он приходился

племянником капитану «Осы», родился в стране рабства и считал рабовладение обычной формой собственности, как и все другие; он признавал торговлю неграми совершенно законной, а англичан, которые мешали этому делу, Девис терпеть не мог — он ненавидел их как нацию и в этом отношении ничем не отличался от любого истинного американца. Само собой разумеется, что его неприязнь распространялась в первую очередь на Голловея, с Верже, напротив, Девис был очень дружен.

Главная обязанность Кабо, внесенного в корабельную книгу в качестве лоцмана, состояла в том, чтобы успешно проводить судно через все опасные места: узкие проходы, тайные бухты, неизвестные заливы у берегов Африки, Антильских островов, Бразилии и Соединенных Штатов Америки, — и рулевой отлично справлялся, так как знал все морские пути в совершенстве.

Старый бретонский моряк, боцман Гилари, как и его товарищи, тоже когда-то служил правительству, но оставил службу и перешел к капитану Ле Ноэлю. Одним свистком боцман управлял сорока матросами — выходцами из разных стран мира; он называл их своими *ягнятами*, и ни единый из ягнят, на каком бы языке он ни говорил, не решался хотя бы пикнуть, а тем более роптать на своего командира. Обладавший